

даже на один и тот же бой. Потому что они ведь и смотрят на него с разных точек и имеют в нём... различные задачи. Я говорю не о политической задаче — общей, нравственной, патриотической, — а о военной задаче в бою. Артиллерист должен поддерживать пехоту; пехоте кажется, что он её плохо поддерживает, а ему кажется, что она плохо идёт. Танкисты говорят, что пехота не пошла за танками; а пехотинцы говорят, что танки от неё оторвались. А истина боя где-то на скрещении всех этих точек зрения». И ещё: «Формулировку “солдатская правда” я понимаю только в одном смысле: это не какая-то отдельная, особая правда рядового солдата, а солдатская, в смысле того, что это прямая, подлинная солдатская правда. Если генерал будет говорить с солдатской правдивостью, это и будет солдатская правда... Для меня... солдатская правда — это самая высокая правда»⁶³.

Именно такая правда открывается перед читателем на страницах рассматриваемого документального сборника, который действительно «даёт современнику уникальную возможность услышать “живые голоса” фронтовиков, уловить их эмоциональное состояние, сопереживать вместе с ними радость побед и горечь утрат». В особенности это касается бесед, записанных не какое-то время спустя, а по горячим следам событий, когда в памяти сохранялась свежесть впечатлений и связанные с ними переживания. «Как правило, рассказы о недавних боях носили особенно детальный и обстоятельный, и при этом эмоциональный характер, — справедливо отмечают составители сборника. — В них отразились особенности восприятия современниками военной повседневности в зависимости от их военной специальности, звания и должности, уровня образования, жизненного опыта, пола, возраста и др. По этой причине данные источники крайне важны для изучения психологии человека на войне в широком смысле слова. Одновременно публикуемые нами стенограммы бесед — это своего рода коллективный портрет Победителя нацизма с большой буквы, из биографии которого прослеживаются истоки героизма и самопожертвования» (с. 12).

Хочу выразить надежду, что публикация стенограмм из фонда Комиссии продолжится, и соотечественники смогут в очередной раз убедиться в том, что многие научные открытия и великие начинания, подхваченные на Западе, впервые были сделаны именно в нашей стране.

Евгений Кринко: «Погода была очень скверная». Роль природного фактора в боевых действиях в Крыму (1941—1944 гг.) по воспоминаниям их участников*

Evgeny Krinko (Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don): «The weather was very nasty». The impact of the nature and climate on the military operations in the Crimea (1941—1944) according to the memories of participants

DOI: 10.31857/S086956870015474-2

За последние два десятилетия вышло немало исследований⁶⁴ и документальных сборников⁶⁵ о боевых действиях в Крыму во время Великой Отече-

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-05-80043 и государственного задания Южного научного центра РАН, номер госрегистрации проекта АААА-А1911901190182-8.

⁶³ Симонов К. М. Солдатские мемуары... С. 301—302.

⁶⁴ Абрамов В. Керченская катастрофа 1942. М., 2006; Битва за Крым. 1941—1944 гг. / Сост. А. В. Исаев, Н. Н. Глухарёв, О. В. Романько, Д. Б. Хазанов. М., 2016; и др.

⁶⁵ Крым в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Ред. Н. Аничкин. М., 2017; и др.

ственной войны. Существенное внимание в них уделено десантным операциям 1941—1943 гг.⁶⁶, обороне Севастополя⁶⁷, освобождению полуострова весной 1944 г.⁶⁸, участию в боях партизан⁶⁹. Новые работы, введение в научный оборот широкого комплекса документов официального и личного происхождения позволяют раскрыть многие аспекты данной проблематики, прежде поднимавшиеся в обобщающих трудах, а в последнее время нашедшие отражение в специальных публикациях. Среди них — влияние на боестолкновения природных условий и климата⁷⁰.

Рассматриваемый сборник представляет значительный интерес в том числе и с этой точки зрения. Но прежде всего необходимо отметить уникальный характер самого издания, включающего в себя материалы, записанные ещё в военные годы сотрудниками Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР «у военнослужащих разного звания (солдат, младших и старших офицеров, генералов) и разных воинских специальностей (пехота, сапёры, артиллеристы, авиаторы, моряки, морские пехотинцы, разведчики и др.), принимавших участие в освобождении Крыма в 1944 г.». Следует в полной мере согласиться с авторами-составителями, утверждающими, что «из солдатского окопа и из штабного блиндажа бой выглядел по-разному, так же как отличались описания своей боевой работы, например, у сапёров и артиллеристов» (с. 16).

Данное издание является прямым продолжением предшествующих исследовательских проектов сотрудников ИРИ РАН. Первый из них — «Вклад учёных-историков в сохранение исторической памяти о войне (на материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941—1945)», выполненный в 2014—2015 гг. и заслуженно получивший высокую оценку исследователей⁷¹. По его итогам не только вышла коллективная монография⁷², но и появился специальный сайт⁷³. Хотя к данным источникам неоднократно обра-

⁶⁶ *Статюк И.* Керченско-Феодосийская десантная операция 1941—1942. М., 2007; Десанты Великой Отечественной войны / Ред.-сост. В. Гончаров. М., 2008; *Кузнецов А.Я.* Большой десант. Керченско-Эльтигенская операция. М., 2011; и др.

⁶⁷ *Маношин И.С.* Героическая трагедия. О последних днях обороны Севастополя, 29 июня — 12 июля 1942 г. Симферополь, 2001; *Форжик Р.* Севастополь 1942: триумф фон Манштейна. М., 2013; и др.

⁶⁸ *Мощанский И., Хохлов И.* Освобождение Крыма. Крымская стратегическая наступательная операция 8 апреля — 12 мая 1944 г. М., 2005; Крым, 1944: документы и материалы / Под общ. ред. С.Н. Ткаченко. Феодосия, 2017; Крымская весна 44-го. Материалы Исторических чтений и архивные документы / Под ред. С.А. Терехова, О.В. Романько, С.Н. Ткаченко. Симферополь, 2019; и др.

⁶⁹ *Сермуль А.А.* 900 дней в горах Крыма: воспоминания комиссара партизанского отряда. Симферополь, 2004; Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов (1941—1942) / Гл. ред. О.В. Рыбина. Симферополь, 2006; *Мальгин А.В.* Партизанское движение Крыма и «татарский вопрос»: 1941—1944 гг. Симферополь, 2009; *Романько О.В.* Крым в период немецкой оккупации: национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941—1944. М., 2014; и др.

⁷⁰ *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Воздействие природных факторов на проведение десантных операций в Крыму в декабре 1941 — январе 1942 гг. // Наука Юга России. 2019. № 1. С. 94—104; *Afanasenkov V.I.* The influence of abnormal natural factors on the results of the Sivash Offensive operation in November—December 1943 // *Russkii Arkhiv*. 2020. № 8. Р. 19—33; и др.

⁷¹ См.: *Кринко Е.Ф.* Устная история Великой Отечественной войны: институционализация и результаты исследований на юге России // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 198.

⁷² Вклад учёных-историков...

⁷³ Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР. 1941—1945 гг. (URL: <http://komiswov.ru>).

щались различные исследователи, до сих пор они востребованы недостаточно. Правда, в 2015 г. опубликованы около 100 свидетельств о Сталинградской битве⁷⁴, но это лишь небольшая часть обширного документального комплекса. В ходе следующего проекта — «Освобождение Крыма от нацистской оккупации в 1944 году: свидетельства участников и очевидцев (по материалам Комиссии по истории Великой Отечественной войны)» (2017—2019 гг.) — выявлены записи бесед с непосредственными участниками десантных операций в районе Эльтигена и Керчи осенью 1943 г. и непосредственно на полуострове весной 1944 г.

Приводимые в сборнике сведения позволяют существенно дополнить представления о сборе материалов сотрудниками Комиссии. В частности, в письме капитана З.И. Фазина (Факторовича) её руководителю И.И. Минцу от 16 июня 1944 г. рассказано об обстоятельствах записи интервью (с. 245—246). В предыдущей коллективной монографии отмечалось, что перед сдачей в архив тексты подвергались литературному редактированию, а исходные записи, как и вопросы, использовавшиеся в ходе опросов, не сохранились⁷⁵. В данной работе утверждение подверглось коррективке: «К сожалению, ввиду нехватки площадей для хранения оригиналы стенограмм после их распечатки на машинке уничтожались сотрудниками Комиссии уже во время войны. Несмотря на то что в силу этого сравнить оригинал стенограммы с машинописью сегодня не представляется возможным, изучение комплекса материалов о работе Комиссии показывает, что её сотрудники не проводили ни литературного редактирования, ни цензурирования информации, сообщаемой респондентами (исключая из текста их устной речи лишь нецензурные выражения)» (с. 14).

Основная часть воспоминаний посвящена боям 1943—1944 гг., но отдельные участники событий принимали участие и в боях 1941—1942 гг. Их рассказы позволяют дополнить имеющиеся описания природных условий во время Керченско-Феодосийской операции 1941—1942 гг., а также сравнить их с условиями проведения Керченско-Эльтигенской операции 1943 г.

Начало Керченско-Феодосийской операции планировалось на 21 декабря 1941 г., но Черноморскому флоту пришлось спешно перебрасывать в Севастополь готовившиеся для высадки в Феодосии 345-ю стрелковую дивизию и 79-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. Сроки операции сдвинулись на 26 декабря, когда погода ухудшилась, однако командование не приняло это обстоятельство во внимание. Как следствие, по воспоминаниям командира отряда торпедных катеров 1-й бригады 3-го дивизиона торпедных катеров Черноморского флота капитан-лейтенанта А.И. Кудерского, «это была очень тяжёлая операция, так как и природа над нами поиздевалась — была исключительно скверная погода, мы от неё пережили больше, чем от бомб и артиллерии противника» (с. 155). Поднявшийся на Азовском море северный ветер, доходивший уже вечером 25 декабря до 7 баллов, отрывал от буксиров сейнеры, байды и шлюпки. Часть кораблей Азовской военной флотилии вернулась назад. Тем же, кто добрался до Керченского полуострова, из-за сильной волны и небольшой глубины не удалось подойти близко к берегу. Несколько спущенных на воду шлюпок разбилось о камни, десантникам пришлось идти к берегу по грудь в холодной воде. К тому же в условиях начавшегося ледостава суда,

⁷⁴ Сталинградская битва... С. 14.

⁷⁵ Вклад учёных-историков... С. 133.

стоявшие в гаванях Ахтари и Ейска, вообще не смогли выйти в море. Немецкие документы (журнал боевых действий Адмирала Чёрного моря) сообщали, что румынская «Дунайская флотилия не отплыла из-за неблагоприятных погодных условий»⁷⁶. Таким образом, советские войска проводили высадку порой на не приспособленных для этого судах, в то время как корабли противника вообще опасались выйти из гаваней⁷⁷.

По словам Кудерского, «когда мы вернулись, начался ужасный шторм, причём сила ветра была огромная. А там был прили[в], мелко, воду несёт: по-выкидывало кое-какие катера, которые не могли удержаться, на берег... Встали около мола и дождались того, что 29 числа пролив встал и там замёрзли все наши катера. Холодище, к нам никто не подойдёт и мы — ни к кому. Мы три или четыре дня сидели там без воды и пищи, замёрзли, голодные, снег, не знаешь, что делать, и никто тебе не может ничем помочь» (с. 156). Стоять пришлось до 10—11 января 1942 г., «потом пришёл ледокол и начал всю эту армаду вытаскивать. Льдом позатирали некоторые шхуны. Не знаю, как люди могли всё это перенести, так как всё время были на воде, на холоде и нигде не было совершенно погреться. По катеру всё время ходили на коленях — у меня и сейчас часто мёрзнут коленки» (с. 157). Действительно, в конце декабря лёд полностью сковал Керченский пролив, а к 4 января мороз достиг —30°. Но командованию удалось использовать эти обстоятельства для организации снабжения, эвакуации раненых и доставки подкреплений десанту. В начале января 1942 г. через пролив проложили ледовую дорогу, маршруты которой действовали затем более месяца.

Хотя далее Кудерский утверждал, что и Керченско-Эльтигенской операции «погода не благоприятствовала», приводя в качестве аргументов «слабый норд-ост» и туман (с. 162), на деле высадка в Эльтигене проходила в иных условиях. По словам командира сторожевого катера 2-го дивизиона сторожевых катеров старшего лейтенанта А.С. Маркова, сильный прибой не позволял кораблям подойти близко к берегу, «так как можно было сесть на мель. И, кроме того, противник всё время обстреливал» (с. 171). Но главной помехой оказались не погодные условия. Заместитель командира 318-й стрелковой дивизии по политической части полковник М.В. Копылов вспоминал: «Десант был произведён очень удачно, хотя и с большими жертвами, которые мы заранее предвидели, потому что Керченский пролив был заминирован. Во время десанта немало кораблей взорвалось. Берег был тоже заминирован. Жертв было очень много, особенно на воде, взрывались на минах и от артиллерийского и пулемётного огня» (с. 89).

В отдельных случаях природный фактор способствовал успеху. Командир 386-го отдельного батальона морской пехоты майор Н.А. Беляков отмечал, что «перед высадкой в течение нескольких дней дул сильный ветер, и местами мины были засыпаны глубоким песком. Так что они были глубоко зарыты, и мы по этой песчаной гряде прошли сравнительно легко» (с. 63). Но возникли и проблемы, поскольку «автоматы из-за большой пыли засорились и отказались стрелять» (с. 65). В последующем десантникам пришлось столкнуться с другими трудностями: «Погода была очень скверная. Шли дожди со снегом. Это также затрудняло наше положение, так как мы высадились в летних брю-

⁷⁶ Крым в Великой Отечественной войне... С. 153.

⁷⁷ *Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф.* Воздействие природных факторов на проведение десантных операций в Крыму... С. 99.

ках и ватниках» (с. 69). Командир роты 386-го отдельного батальона морской пехоты старший лейтенант Б.М. Литовчак подтверждает: «Мы жили в очень тяжёлых условиях, было холодно, не было достаточного питания и тёплой одежды» (с. 76).

Основная часть воспоминаний посвящена боям весны 1944 г. и позволяет судить о том, какую роль сыграли природные условия в ходе освобождения полуострова. Здесь особую ценность приобретает то, что в сборнике опубликованы рассказы представителей разных родов войск, на действия которых природный фактор оказывал различное воздействие.

В наибольшей степени зависели от погодных условий моряки и лётчики. Первым приходилось учитывать волнение моря. Так, Кудерский вспоминал, что в ночь запланированного выхода, с 26 на 27 апреля 1944 г., «погода была такая, что мне не понравилась, и я попросил командира бригады, чтобы не ходить, не жечь даром горючего. В море было 3—4 балла, и вообще погода не благоприятствовала выполнению задания». Командир бригады, «старый моряк», «посмотрел и сказал, что, если до полночи не уляжется, пусть команда отдыхает». Волнение, впрочем, продолжалось недолго: «Часа в 4 погода начала устанавливаться» (с. 164).

Для авиации, особенно ночных бомбардировщиков По-2 (У-2), главное значение имели сила и направление ветра⁷⁸. По словам начальника штаба 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка майора И.В. Ракобольской, «при взлёте самолёта требуется, чтобы ветер дул навстречу... Если для тяжёлых самолётов не столь существенно, когда ветер будет немножко вбок, то для У-2 это очень существенно, потому что самолёт очень лёгкий — здесь фанера и перкаль. Если ветер сбоку, то самолёт становится на одно крыло, если ветер дует в хвост, самолёт встанет на нос. Для нас направление ветра всегда было очень важным». Между тем полевой аэродром полка с октября 1943 г. располагался в рыбацком поселке Пересыпи на Таманском полуострове, в непосредственной близости от Керченского полуострова. «В данных условиях было так: если ветер дует с суши на море, то самолёт опрокидывается на одно крыло, если с моря на сушу, самолёт опрокидывается на другое крыло. Поэтому полёты производились преимущественно с боковым ветром, что осложняло полёты на этом аэродроме» (с. 196). Немаловажными являлись общее состояние погоды, наличие частых в приморской полосе туманов, осадков, определявших ситуацию не только в воздухе, но и на земле, состояние аэродрома: «Зимы там настоящей нет, почва размокает и такая грязь, что даже командующий ходил пешком, машина не могла пройти» (с. 192). Постоянно менялась погода: «Неожиданно над целью начинался страшный снегопад, или неожиданно цель закрывал туман, низкая облачность» (с. 201). Один из экипажей погиб, попав в снегопад, «вообще природа была страшно неподходящая», «всё, что можно собрать в метеорологии против полётов» (с. 196). Однако даже в январе 1944 г. «при нелётной погоде мы делали по 1 000 боевых вылетов» (с. 192).

Природный фактор оказывал влияние и на действия сухопутных войск. Из воспоминаний можно узнать, с какими трудностями столкнулись, например, войска 51-й армии при переправе через Сиваш осенью 1943 г. Противник

⁷⁸ См. также: Матишов Г.Г., Афанасенко В.И., Кринко Е.Ф. Влияние аномальных природных явлений на действия советской авиации в Северо-Кавказской наступательной операции // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 5. С. 466—471.

выстроил оборонительные порядки на подходах к полуострову везде, кроме участка с этой стороны, поскольку считал форсирование залива невозможным. Командующий армией генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер вспоминал: «Никаких переправочных средств не было, а Сиваш в этом месте представляет собой водную преграду шириной в 2—2,5 км с очень тяжёлым илистым грунтом, позволявшим пройти только людям и больше ничему. Попытка переправить конский состав привела к тому, что несколько лошадей погибло сразу же, отойдя недалеко от берега, хотя глубина воды достигала от 20—30 см до 60—70 см в самом глубоком месте. Поэтому части 346-й дивизии переправились только с личным вооружением: винтовки, автоматы и пулемёты, не имея с собой никакой артиллерии» (с. 254).

Особенно информативной по данному вопросу представляется стенограмма беседы с заместителем командующего армией по инженерным войскам генерал-майором А.Н. Баженовым. Он свидетельствовал: «Условия переправы вброд были тяжелы, потому что Сиваш имеет илистое дно, нога погружается и прилипает к этому илу на глубину до колен. Кроме того, вода солёная, причём процент солей там больший в 10 раз, чем в море. Поэтому длительное пребывание в воде вызывало язвы на ногах, помимо простудных заболеваний, которые были связаны с температурой» (с. 303). Ещё одно свидетельство принадлежит начальнику артиллерии той же армии генерал-майору Н.И. Телегину: «Люди шли по солёной воде, разъедающей ноги, тело, тонули в илистом дне, замерзало тело просто. Кровь замерзала при выходе на тот берег. Были смертельные случаи. Тащили на себе орудия, миномёты, противотанковые ружья, боеприпасы. Вышли на южный берег Сиваша» (с. 287).

Однако переправившаяся группировка нуждалась в огневом усилении. Для этого был нужен мост, но его строительство требовало времени. Баженов привёл поразительный пример стойкости и самоотверженности солдат: «Пока строили мост, в это время действовала бурлацкая переправа, и мы, не дожидаясь окончания моста, переправляли на свой риск и РС на этих паромках фанерных, перетаскивали 152-мм пушки, тяжёлую артиллерию протаскивали, включительно до трактора ЧТЗ, который весит 12 тонн уже. Всё это с трудом приходилось тащить по илу через Сиваш в воде. Один паром с трактором ЧТЗ, скажем, тащило человек полтора-два, РС тащило человек 80, пять часов. Три часа передвижения на тот берег, затем переправа обратно, снова нагрузка, и в день 5 часов занимал один рейс. Приспособили впереди рычаги дополнительные, потому что самый размер парома был настолько мал, что этим 80 человекам не хватало места, чтобы схватиться за него. Мы точки опоры создавали путём дополнительных рычагов, и 80 человек тащили эти РС» (с. 305). Крейзер подчеркнул «массовый героизм рядового и офицерского состава, так как людей было не так уж много, поэтому тем, кто работал на переправе, приходилось форсировать Сиваш по 2—3—4, а некоторым и по 5 раз за сутки, что является пределом физических и моральных возможностей человека. Причём эта переправа происходила под систематической бомбёжкой с воздуха и под артиллерийским воздействием противника» (с. 256).

Тем временем 12-я штурмовая инженерно-сапёрная бригада в ледяной воде строила мост до лежащего посреди Сиваша острова Русского, а далее, до крымского берега — дамбу. На дно «гнилого моря» опускали плоты из брёвен, придавливали их мешками с землёй и уже поверх ставили рамы с настилом.

Для отвлечения врага по соседству начали возводить ложный мост из дерева и тростника⁷⁹.

Сооружение и использование переправ проходило в аномальных погодных условиях. По словам Баженова, 17—19 ноября, в разгар строительства, «поднялся шторм с восточным ветром сильным. Сиваш стал гневаться, поднялась волна сильная, и у нас около 40 опор разнесло по всему Сивашу, хотя они были закреплены, но удержать их было невозможно. Эта волна нам часть моста разбросала по всему Сивашу. Шторм сопровождался сильным подъёмом воды». И всё же 10 декабря первый мост начал действовать, что позволило «прекратить бурлацкую переправу и перейти на нормальный способ», обеспечивая переправившийся 10-й стрелковый корпус всем необходимым: боеприпасами, продовольствием, топливом. «Нам же не на чем было варить пищу, не было ни одного строения, ни одного куста. Первый период использовали траву курай, но уже недели через две весь курай был сожжён. Тогда стали выкапывать из земли корни этого курая и ими топить. Затем мы получили дрова и их нужно было возить туда. К этому времени мост уже был готов и первое время работал» (с. 305).

25 декабря сапёры приступили к постройке второй переправы — двух встречных дамб, соединённых плавучим мостом на понтонах. Но снова вмешалась стихия — согласно Крейзеру, «когда после длительной, напряжённой работы дамба была в основном готова, оставался разрыв 200—300 метров, который должны были покрыть понтонами, на Сиваше разразился шторм 10—20 баллов. После трёх дней шторма дамба была полностью разрушена» (с. 258). Баженов вспоминал, что «постоянный ветер вызывал колебание уровня воды в Сиваше. Иногда там была глубина метр, и паром свободно ходил, а бывали дни, когда там нельзя было даже на резиновой лодке проехать, нужно было её тащить волоком». Утром 12 февраля 1944 г. дамбу, возвышавшуюся над морем на высоту от 0,8 до 1 м, «испытывали на пропуск танка Т-34», а уже вечером «поднялся сильнейший шторм, и от этой дамбы почти ничего не осталось» (с. 307). Шторм продолжался до 19 февраля: «Временами сила ветра доходила до урагана, мокрый снег, занесло. 13 февраля мы из землянки не могли выйти... всё было заполнено снегом. Подъём воды был до метра. Но самым страшным врагом оказалась волна. Так, у нас откосы дамбы были прикрыты камышовыми матами, другого материала не было. От размыва самой водой камыш предохранял, но от волн он не предохранял» (с. 308).

Все эти 7 дней для сапёров «были авральными, спасали эту дамбу, земленосными мешками старались закрыть, привязывали лодки». Готовый понтон «потатило по Сивашу, якоря не выдержали, ослабли, поползли, часть канатов лопнула, и этот понтон поплыл к противнику. Поэтому нужно было спасать и дамбу, и этот понтон». Сила волны оказалась такова, «что 12 гребцов на понтоне не могли преодолеть силу ветра. Из этих 2 308 метров было размыто полностью 1 300 метров, а из оставшегося километра на 40—50% сохранилось. Мост выдержал, ничего с ним не случилось. Вода доходила до настила. Поэтому возникла вторая опасность, что этот шторм сорвёт настил. Стали принимать меры, отдали команду загружать этот мост рельсами, чтобы его придавить». И только когда вода начала спадать, выяснилось, что мосту никаких разрушений не причинено (с. 308). После этого «приступили вновь к строительству дамбы, но с более широким раствором для понтонного моста, и к момен-

⁷⁹ Afanasenko V.I. The influence of abnormal natural factors... P. 21.

ту, когда этот мост потребовался, т.е. к моменту принятия решения фронтом на наступление и сосредоточение войск на этом плацдарме, вторая переправа была построена в виде двух дамб на северном и южном берегу по 500 метров и полтора километра понтонного моста, по которому пропускались все грузы до 8 тонн» (с. 258).

Крейзер утверждал, что погодные условия задержали и боевые действия: «Было назначено несколько сроков начала этой операции. Здесь вмешалась природа, и очень сильно». С 20 марта погода резко ухудшилась, температура упала до 0°C и колебалась до 5°C тепла. 28 числа разразился двухдневный снежный буран, «очень мощный, который буквально занёс снегом все траншеи, все окопы, землянки. Ветер — 12—14 метров в секунду при абсолютном отсутствии видимости. Это, конечно, создало целый ряд трудностей и в сосредоточении». Но и после этого метеорологическая обстановка «не позволяла начать операцию в связи с отсутствием должной видимости и плохим состоянием дорог. Поэтому армия, закончив сосредоточение, в течение 12 дней в готовности начать действия не начинала их из-за отсутствия погоды». Только 6 апреля получили прогноз, что на 7 апреля «погода должна быть вполне удовлетворительной, обеспечивавшей должную видимость» (с. 261).

Таким образом, рассматриваемый документальный сборник позволяет раскрыть влияние природных условий на ход боевых действий в Крыму в 1941—1944 гг., выявить способы преодоления их негативных последствий (как правило, за счёт самоотверженности и героизма бойцов и командиров). Проведение Керченско-Феодосийской операции показывает, что первоначально погодные условия командованием практически не учитывались, если только речь не шла о действиях флота и авиации. Но постепенно, на различных уровнях командного состава Красной армии и Военно-морского флота росло понимание того, что при учёте климатической обстановки удастся добиться решения боевых задач и сберечь жизни солдат.

Алексей Безугольный: Материалы Комиссии Минца и изучение человека на войне в современной российской исторической науке

Aleksej Bezugol'nyj (Institute of Military History, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow): Documents of the Mintz Commission and the study of «Man at war» in modern Russian historical science

DOI: 10.31857/S086956870015475-3

Из многочисленной литературы по теме освобождения Крыма данную работу выделяет, прежде всего, весьма необычная и даже непривычная для исследователя Великой Отечественной войны и интересующегося читателя источниковая база. В основу публикации легли материалы, собранные образованной ещё в ноябре 1941 г. Комиссией по истории Великой Отечественной войны АН СССР. Кадровую и методологическую основу её работы составила имевшая многолетний опыт по сбору материалов современной истории главная редакция «Истории гражданской войны». Деятельность Комиссии постоянно расширялась и усложнялась организационно, тематически и географически, что в конечном итоге позволило собрать весьма внушительный фонд, ныне содержащий почти 17,5 тыс. архивных дел, хранящихся в Научном архиве Инсти-